

— Как тебя зовут

— Ян Цаоэр. Меня зовут Ян Цаоэр.

Они сидели на склоне, и Линь Мудун отдал Ян Цаоэру свою бамбуковую шляпу. На том была лишь тонкая одежда, и ранней весной, когда ещё совсем не потеплело, он дрожал от холода. Дыры на одежде и штанах даже не были залатаны - ткань просто болталась на худом теле, а на открытых участках кожи виднелись то синие, то багровые следы.

Линь Мудун вспомнил соседей из детства. Хозяин лавки, живший рядом, напивался и избивал жену, и на теле хозяйки, плакавшей до красных глаз, тоже оставались такие следы. Ян Цаоэр был невероятно худ. На запястьях кожа буквально обтягивала кости. В глазах не было ни капли света, словно их застилала непроглядная мгла. Он пусто смотрел перед собой, и вдруг в животе громко заурчало.

Линь Мудун поспешно достал из корзины еду и протянул Ян Цаоэру. Утром он взял с собой сладкую лепёшку - Сяо И купил её для него в городке. Бабушка боялась, что холодная пища повредит ему, поэтому перед выходом ещё раз подогрела лепёшку.

— Скорее ешь, она ещё тёплая.

Ян Цаоэр всё ещё был словно не в себе. Только когда Линь Мудун протянул ему еду, он будто очнулся и растерянно уставился на половину лепёшки.

Он осторожно взял её и медленно откусил. Сладкая начинка заставила его растеряться.

Это... сахар?

Ян Цаоэр впервые в жизни пробовал сахар. Он слышал от деревенских, что сладость - это вкус ягод, а сахар как раз и есть сладкий.

Но, продолжая есть, он вдруг заплакал. Слезы одна за другой падали на сладкую лепёшку, а сам Ян Цаоэр словно даже не замечал их, лишь опустил голову и отчаянно запихивал еду в рот, будто изо всех сил хотел навсегда запомнить этот вкус.

Дождь падал ему на тело, холодный и пронизывающий до костей.

Линь Мудун открыл рот, собираясь что-то спросить, но слова застряли в горле. И прежде чем он успел заговорить, Ян Цаоэр вдруг весь сжался от страха и, дрожа, уставился вдаль.

К ним приближался мужчина с длинной палкой в руке. Увидев Ян Цаоэра, он принялся грязно ругаться и, не переставая браниться, пошёл прямо к нему.

— Беги, беги! Посмотрим, куда ты от меня денешься!

Зрачки Ян Цаоэра резко сузились. Он вскочил кое-как и бросился бежать по меже, то на четвереньках, то снова поднимаясь на ноги. Но земля после дождя размокла, он раз за разом падал, и мужчина быстро его настиг.

Свирепый мужчина схватил Ян Цаоэра за волосы и потащил назад, грязно ругаясь:

— Десять лет живёшь в моём доме, а даже ребёнка родить не можешь! И ещё смеешь убежать!

Ян Цаоэр болезненно вскрикнул от ударов, но тут же заставил себя молчать: если закричать громче, мужчина лишь разозлится ещё сильнее. Очередная пощёчина обожгла щёку, перед глазами всё потемнело. По лбу вдруг потекло что-то тёплое. Ян Цаоэр машинально коснулся рукой - кровь!

Линь Мудун растерялся. Он хотел спасти Ян Цаоэра, но прекрасно понимал, что этого мужчину ему ни за что не одолеть, и потому побежал в другую сторону звать людей. Он редко видел, как кого-то так избивают. Стоило подумать, что Ян Цаоэра вот-вот убьют насмерть, как от тревоги Линь Мудун расплакался.

К счастью, дядя Гэ и несколько деревенских, с утра вышедших работать в поле, заметили его и вместе с ним поспешили к меже. В руках у них были мотыги и серпы, поэтому драки с разъярённым мужчиной они не боялись.

— Линь Чжуцзы! Ты его убить хочешь?! — грозно крикнул подошедший дядя Гэ.

— Он столько лет прожил в твоём доме, пусть заслуг и нет, но трудов-то сколько! Как можно избивать его до смерти?!

Дядю Гэ в деревне уважали, и Линь Чжуцзы не осмеливался с ним открыто связываться. Он лишь упрямо оправдывался:

— Он перечит мужу. Я его проучил - это наше семейное дело.

Только подойдя ближе, люди почувствовали от Линь Чжуцзы резкий запах вина. Было очевидно: он напился и в пьяном безумии принялся избивать человека.

Ян Цаоэр был купленным в семью Линь будущим фуланом, которого растили с детства для брака. В Сяхэ он попал ещё семилетним. А несколько последних лет Линь Чжуцзы неизвестно отчего пристрастился к выпивке и начал его бить, так что на теле Ян Цаоэра почти не осталось живого места.

— Нет... я не перечил... — со слезами на глазах Ян Цаоэр беспрестанно качал головой.

Он спрятался за Линь Мудуном, до смерти боясь Линь Чжуцзы. Тот всё ещё пытался схватить его, и палка едва не задела Линь Мудуна.

Лежавший рядом Саньхуа тут же оскалил клыки и стремительно бросился вперёд, заслоняя Линь Мудуна собой. Пёс вцепился зубами Линь Чжуцзы в бедро. Его хорошо откормили, силы у него хватало, и он едва не содрал с ноги мужчины целый лоскут кожи.

Человек и пёс сцепились. Саньхуа был проворным и не давал себя схватить: укусит слева до крови, тут же отскочит и вцепится справа.

— Тварь! Я тебя убью! — от боли лицо Линь Чжуцзы перекосилось, и он со всей силы ударил Саньхуа палкой по спине.

— Саньхуа, назад! — корзина Линь Мудуна упала на землю. Уже ни о чём не думая, он рванулся вперёд, пытаясь заслонить собаку.

Линь Чжуцзы ударил со всей силы. Даже дядя Гэ и остальные деревенские не успели среагировать. Увидев, что палка вот-вот обрушится на человека, они лишь успели подумать: всё, сейчас случится беда.

Но удар так и не достиг цели.

Подоспевший Сяо И поднял руку и принял палку прямо на предплечье. Раздался глухой удар. Он тут же вырвал длинную палку из рук Линь Чжуцзы и одним пинком отбросил его на добрый десяток шагов.

— Ты не ранен? — Сяо И словно совсем не чувствовал боли и первым делом притянул Линь Мудуна к себе, внимательно осматривая его с головы до ног.

Линь Мудун ещё не оправился от испуга. Увидев внезапно появившегося Сяо И, он распахнул руки, бросился к нему и, дрожа, уткнулся в грудь.

Приглушённый голос донёсся откуда-то из его объятий:

— Как ты здесь оказался?

Маленький фулан никогда прежде не видел ничего подобного и был так напуган, что, казалось, даже волосы у него дрожали. Сяо И обнял его, успокаивающе похлопывая ладонью по спине:

— Бабушка сказала, что ты ушёл. Я увидел, что тебя всё нет и нет, вот и пошёл искать.

Линь Мудун вытер глаза и присел рядом с псом. Саньхуа, защищая его, тоже получил палкой по спине. Тогда он пронзительно завизжал от боли, а после удара так и остался лежать на земле, едва дыша, больше не поднимаясь. Увидев, что пёс почти не вдыхает, лишь тяжело выдыхает, Линь Мудун окончательно растерялся. Слеза с тихим стуком упала на шерсть. Он легонько потряс Саньхуа, пытаюсь разбудить.

— Т-ты меня не пугай... Я ведь ещё не сварил тебе большую кость... ещё не дал тебе поесть куриных косточек...

Пёс лежал с открытыми глазами и неподвижно смотрел на него. В них оставался лишь слабый отблеск жизни. Он высунул язык и несколько раз лизнул ладонь Линь Мудуна, а затем медленно закрыл глаза.

Дядя Гэ отложил мотыгу и подошёл ближе. Он держал дома и свиней, и собак и немного умел лечить скотину. Только что палка пришлась Саньхуа по спине. Дядя Гэ осторожно ощупал это место, затем прищурился и внимательно осмотрел пса.

— Кости не задело, — наконец улыбнулся он. — Слишком уж у него толстый слой жира, удар глубоко не прошёл. Только ушиб и ссадины, спина немного распухла. Несколько дней лекарством помажете, и всё будет хорошо.

Линь Мудун: ?

Саньхуа: !!

Пёс будто всё понял - глаза у него мгновенно распахнулись. Он вскочил с земли, завилял хвостом, высунул язык и пробежал пару кругов, словно с ним вообще ничего не случилось.

А потом со всех лап помчался обратно к Линь Мудуну:

Человек! Я не умер!

Линь Мудун то плакал, то смеялся и шлёпнул пса по заду - заставил же так перепугаться!

На меже Линь Чжуцзы сидел на земле, обхватив ногу, и изо всех сил отползал назад. Сяо И держал в руке ту самую палку, которой тот только что избивал Ян Цаоэра, и шаг за шагом приближался.

— Ты ранил моего фулана. Я сломаю тебе одну руку, и будем в расчёте.

Его холодный взгляд упал на Линь Чжуцзы, будто он всерьёз размышлял, какую именно руку сломать.

Линь Чжуцзы всё ещё пытался ускользнуть, но Сяо И наступил ему ногой прямо на правую голень. Место, которое разодрал пёс, уже было залито кровью, а от этого нажима рана разошлась ещё сильнее.

И тут Линь Чжуцзы вспомнил взгляд Сяо И пятилетней давности - тот до сих пор внушал ему страх. Тогда он с несколькими бездельничающими молодыми парнями шатался по деревне. Они разминулись с Сяо И на дороге, тот случайно задел его плечом, и Линь Чжуцзы без всяких опасений принялся ругаться. Спустя столько лет он уже не помнил, что именно тогда наговорил. Осталось только воспоминание о том, как изменилось лицо Сяо И и каким ледяным, острым стал его взгляд.

В ту же ночь Линь Чжуцзы связали по рукам и ногам и подвесили вниз головой в отхожем месте. Тонкая верёвка могла оборваться в любую минуту, а Сяо И просто стоял в темноте - не бил, не говорил ни слова, лишь молча смотрел на него целый шичэнь.

После того случая Линь Чжуцзы больше ни разу не осмеливался попадаться Сяо И на глаза.

Дядя Гэ и несколько деревенских подошли ближе и начали уговаривать:

— Брат И, может, хватит? Сегодня он уже получил своё.

Они вовсе не пытались заступиться за Линь Чжуцзы, просто боялись, что Сяо И слишком сильно его покалечит или вовсе убьёт. Из-за такого человека губить собственную жизнь не стоило.

Но договорить они не успели - с земли донёсся пронзительный вопль Линь Чжуцзы.

Сяо И отбросил окровавленную палку и наступил ему на руку:

— Ещё раз такое повторится - одной вывихнутой рукой не отделаешься.

Если ломать человеку руки или ноги, без крови не обойтись. Сяо И не хотел, чтобы Линь Мудун видел такую жестокую сцену, поэтому лишь вывихнул Линь Чжуцзы руку, чтобы тот слёг дома и хотя бы ближайшие полгода не мог больше творить бесчинства.

Дядя Гэ и остальные деревенские увидели, что Сяо И знает меру, и наконец успокоились. А до самого Линь Чжуцзы никому не было дела.

Линь Мудун и Сяо И отправились домой. Перед уходом Линь Мудун обернулся и посмотрел на

Ян Цаоэра. Тот всё ещё сжимал в руках подаренную ему бамбуковую шляпу и стоял посреди дороги, словно потеряв всякую опору.

— Тварь, не видишь, у меня нога сломана?! Быстро иди сюда и помоги мне! Или хочешь, чтобы я сдох?! — Линь Чжуцзы лежал всего в нескольких шагах и стонал от боли, но, заметив, что Ян Цаоэр не двигается, тут же перешёл на ругань.

Ян Цаоэр словно ничего не слышал. Он стоял неподвижно, будто у него отняли душу, оставив одну пустую оболочку. Последний отблеск в его глазах тоже исчез, и он лишь смотрел на далёкую реку, такую глубокую, что дна не было видно.

.....

— Фиалка, бузина... Ты только не двигайся.

Линь Мудун тихо бормотал себе под нос, растирая лекарственные травы, а потом прикладывал их к руке Сяо И. После удара палкой кожа там вся посинела и распухла так сильно, будто вырос небольшой холм.

Сяо И усмехнулся и некоторое время молча смотрел на фулана, прежде чем сказать:

— Пустяковая травма. Несколько лет назад я дрался с людьми на пристани, там бывало и похуже, тоже пережил.

Линь Мудун услышал лишь одно - «пережил».

Насколько же серьёзными должны были быть те раны, если Сяо И приходилось просто терпеть их и тянуть на себе?

Его взгляд слегка дрогнул, в нём проступила боль. Линь Мудун знал, что не умеет красиво говорить и язык у него неловкий, поэтому всё, что не мог сказать словами, выражал поступками. Он наложил лекарство, тщательно перевязал руку, а потом повернулся, чтобы убрать травы.

И так застыл спиной к Сяо И на очень долгое время.

Сяо И уже хотел протянуть руку, развернуть его к себе и понять, что случилось, как вдруг кончики пальцев коснулись чего-то влажного и тёплого. Фулан внезапно обернулся и крепко обнял его, уткнувшись лицом в грудь. Глаза у него покраснели.

— Я не хочу, чтобы ты снова получал раны, — тихо сказал он. — И не хочу, чтобы ты один всё терпел и переносил.

— Хорошо, — с улыбкой ответил Сяо И. — Больше не буду.

Для молодых парней драки и травмы были делом нередким. Ему ещё повезло: ни рук, ни ног не ломал, лишь кровь проливал. Но Линь Мудуну и от одного этого уже было невыносимо больно.

Сяо И вдруг растянул губы в хитрой улыбке:

— Ты просто не знаешь, как всё было. В ту ночь темнота, ветер свистит, я перемахнул через стену, а меня окружила целая толпа. Двумя кулаками против десяти рук не выстоишь... Хорошо ещё, что твой мужчина умеет летать по крышам да скользить по воде, едва её касаясь, вот я и пробежался прямо по их головам... Только жаль, били они слишком тяжело. Спина до сих пор болит. Тебе надо на неё подуть, тогда пройдёт, а иначе твой мужчина до конца жизни будет сожалеть.

Сяо И привалился к Линь Мудуну и потёрся о него. У того лицо тут же изменилось, и он поспешно принялся стягивать с него одежду:

— Где рана? Скорее покажи мне!

Улыбка Сяо И застыла. Он вцепился в ворот, словно застенчивая молодая невестка, и никак не хотел позволять Линь Мудуну смотреть. Но Линь Мудун всё-таки раздвинул одежду.

Ну конечно. На спине не было ни единой раны.

Он просто обманул его. Нарочно заставил за себя переживать.

Когда обман раскрылся, Сяо И показал белые зубы и неловко ухмыльнулся, и тут же получил от фулана пощёчину.

Увидев, что Линь Мудун рассердился, Сяо И поспешно обнял его и стал успокаивать:

— Я соврал. Просто хотел, чтобы ты побольше побыл со мной. Ничего у меня не болит, правда. И руки, и ноги целы.

Он даже раскинул руки, показывая себя со всех сторон.

Линь Мудун ущипнул его за нос:

— Не говори о себе такое. Кто станет без причины сам себя проклинять?

Сяо И тут же поднял палец, извинился и поклялся, что больше не станет болтать подобные

глупости. А когда Линь Мудун наконец улыбнулся, снова придвинулся к нему, выпрашивая поцелуй.

После полудня моросил тонкий, словно шёлковые нити, дождь. На молодой траве лежали круглые, налитые капли воды. На поверхности пруда один за другим появлялись маленькие пузырьки - под водой пряталась рыба. Линь Мудун бросил туда немного свежей нежной травы, и несколько рыбок подплыли ближе, тихонько поедая её под водой. Он присел на берегу, немного понаблюдав и насчитав больше десятка. Пугливые рыбы всё это время прятались у самого дна и только после ухода людей осмеливались подниматься к поверхности.

Линь Мудун вытащил поставленную вчера рыбную ловушку. Улов оказался неплохим. Больше всего было маленьких белых амуров размером с ладонь - совсем молодых, недавно вылупившихся. Линь Мудун вылавливал их одного за другим и бросал обратно в воду.

Осталось несколько вьюнов и угрей. Он зачерпнул из пруда воды и налил в ведро. Сегодня вечером можно будет приготовить вьюнов, тушёных с тофу, и угря в соусе - как раз подкормить двух домашних пострадавших.

Пока он закончил со всем этим, прошло уже больше половины дня. Над далёкими горами плыла лёгкая дымка, а пшеничные поля у подножия зеленели густой свежей зеленью. Двое-трое крестьян пололи среди всходов сорняки.

Когда Линь Мудун вернулся домой, в доме никого не было. Дворовые ворота были лишь прикрыты, а Саньхуа лежал у входа и ждал его. Стоило Линь Мудуну подойти, как пёс внезапно выскочил из щели между створками, заставив его вздрогнуть. Линь Мудун наклонился и погладил собаку по голове.

По голосам было слышно, что бабушка сидит в соседнем дворе и болтает с тётушкой Цай. Плащ от дождя и мотыга у двери исчезли - Сяо И, должно быть, ушёл работать на пшеничное поле.

Линь Мудун зашёл в огород, выдернул два пучка весенней пастушьей сумки, стряхнул с корней землю и отнёс зелень на кухню готовить ужин. С громким «ш-ш-ш» зелень легла в раскалённое масло и быстро обжарилась на сильном огне. Нежной, хрусткой пастушьей сумке не требовалось сложных приправ: немного рубленого чеснока и перца, ложка соли и соевого соуса - главное было сохранить её свежий аромат. Сяо И любил именно такую жареную зелень, поэтому Линь Мудун приготовил целую большую чашу. Блюдо только сняли с огня, от него ещё валил пар, когда Чэнь Сяньюэ и Чжоу Ли торопливо толкнули дверь и вошли.

— Дун-Дун, Ян Цаоэр бросился в реку.

Чэнь Сяньюэ и Чжоу Ли несколько раз видели Ян Цаоэра и знали, что сегодня Линь Мудун пытался ему помочь, поэтому решили сразу прийти и сообщить.

Ложка выскользнула и упала в котёл. Линь Мудун долго стоял неподвижно, прежде чем оправился от потрясения. Но удивления он почему-то не почувствовал.

<http://bllate.org/book/19002/2238107>